

Пихамбар, Великий Пюлех. Союзы людей: род, семья, община, отец, мать, отроки, невестка-сноха. Общество: круговорот общения, доверие, лад (сурастару), роли, маски, тайная власть, мир, вражда. Нравственный закон: совесть, суд совести, стыд, грех, мораль, домострой, Закон Божий, заповедь, мученики. Человек: свободный человек, личность, права человека, дума, ангел, женское начало, мужское начало. Состояние и чувства: беда, вера, грех, доверие, забота, знание, искупление, любовь, радость, слезы, отчаяние, страх, стыд, тошно, «хочу», целомудрие, чувство личной свободы. Ментальный мир: сущность, существование, слово, мир видимый, невидимый, срединное бытие. Хозяйство: дом, амбар, земледелие, деньги, пахота, посев, хлеб. Счет и мера: счет времени. Древняя чувашская вера: Бог, грех, искупление. Концепты, получившие особые чувашские собственные имена: Нарспи, Сетнер, Сентти, Тӑхтаман, Михетер. Концепты, получившие особые названия деревень: Силпи, Турикас, Хушӑлка.

Литература

1. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С.28—44.
2. *Иванов К.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.
3. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. СПб.: Изд-во ЛОГОС, 1999. С. 493—505.
4. *Кузнецова А.В.* Когнитивная парадигма художественного универсума: концептуализация и художественность // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Третьего Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ. 20—23 марта 2007. С. 440—441.
5. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Язык русской культуры, 1997. 894 с.

Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков

ТРАГИЧЕСКОЕ В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

В поэме К. Иванова «Нарспи» рассматривается проблема трагизма человеческого существования, представляются мотивы философии экзистенциализма. Поэту, как видно из текста, было свойственно ощущать трагичность индивидуального

человеческого существования, он через образ Нарспи показывает не только свет, но и мрак человеческой души, боль человеческого существования. Ступение темных красок — это не декадентский прием той эпохи. К. Иванов, как Л. Шестов, смог показать человека в ситуации «бездны на краю», то есть той ситуации, которую позже назвали экстремальной. «Подполье» человека толкает его на поиски выхода из «подполья», что видим на примере действия Нарспи (отравление мужа ядом).

В 1859 г. вышла книга Л. Шестова «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше», в 1903 г. — «Достоевский и Ницше», в 1905 г. — «Апофеоз беспочвенности» (Опыт адогматического мышления, СПб.). Имея тягу к познанию, К. Иванов не мог не прочесть данные книги, задуматься над трагичностью человеческого бытия.

Антиномические пары образов (свет — тень, радость — слезы), представленные в начале поэмы, явление для К. Иванова не случайное. Это, как мы считаем, призвано демонстрировать абсолютную (метафизическую) антиномичность мирового универсума в целом. Это переплетение и взаимообусловленность сакрального и inferнального, «света» и «тени», «добра» и «зла» является, по мнению К. Иванова, источником и причиной «ужасов» действительности и мук человеческих: физических и нравственных страданий.

Здесь мы позволили себе смелость сказать, что очевидна связь данного миропонимания с представлениями гностиков, учениями которых увлекались молодые люди конца XIX — начала XX веков, подпитывая его трудами Ницше. Нам кажется, что в эстетической модели мира, явленной в поэме «Нарспи», отражены и гностические представления о мире, как греховной материи, порожденной Демииургом, но отражаются они имплицитно (подспудно) и в соответствии с законами эстетического творчества. Достигается это посредством актуализации в поэме темы отпадения человека от промысла Божьего, нарушения высшего нравственного закона.

Пребывание мира во зле иллюстрируют главы, где говорится о негативном отношении к дочери отца и матери Нарспи, где описывается разгул Ахърсамана: убийство отца и матери Нарспи, Сетнера.

Забывание промысла Божьего приводит к повышенной хаотичности бытия (Ахърсамана), к морально-этической

дезориентации людей, к утрате способности различать Добро и Зло, к потере порядка, а его терять, с точки зрения народной философии и Библии, нельзя, по этому поводу в «Послании к римлянам» сказано: «Что от Бога, то упорядочено». Таким образом, мы можем сказать, что К. Ивановым осмысливается ведущий мотив литературы — мотив выбора жизненного пути.

Выбор ориентации на земное, «дольнее» — сознателен для Нарспи. Она переступает через Божий Закон, чтобы в такой форме показать свой бунт против антигуманности мира (антигуманности отца и матери, мужа). Сам бунт Нарспи К. Ивановым сакрализуется, получает оправдание. Жители Сильби не забывают Нарспи, ее могилу в засушливый год поливают водой, вспоминают ее песни.

Чувство вины за содеянное зло понуждает Нарспи принять на себя ответственность за все зло человеческого бытия. К очищающему душу великому страданию она сделала шаг, крестную ношу она пыталась вынести, но не смогла. А кто смог в поэме? Народ Сильби смог, поэтому ему и открывается в поэме истинное знание — умение жить по Закону Божьему, умение прощать и помнить, сохранять порядок.

Нам кажется, что поэма выстроена на взаимодействии двух основных смысловых рядов: символического изображения действительности (через образы Ахърсамана, леса) и реалий жизни (село Сильби, его обитатели, их быт). Эти два ряда призваны открыть читателю трансцендентный смысл изображаемых в поэме событий: жить следует по высшим нравственным законам («что от Бога, то упорядочено»).

Следует сказать и то, что, изображая отдельные лакуны, К. Иванову удалось представить жизнь России в целом в конце XIX — начале XX веков. Образую антиномию Божьего — не Божьего начал, поэту удалось показать метания главной героини между Добром и Злом, ее невероятные страдания, сказав тем самым, что путь человека в этом мире противоречив, неоднозначен, что он вольно или невольно встречается с проявлениями Зла, иногда сам творит его, оставляя нам наказ: творите Добро, что дается также весьма нелегко, ибо каждый из живущих есть сосредоточение и Зла, и Добра. Весь вопрос в том, какой выбор осуществит человек. Но все же концепция исторического процесса с точки зрения К. Иванова — это

концепция «вечного возрождения», не порочного круга, а гармонии, любви, и через них познание полноты бытия.

Литература

1. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.

2. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // *Соколов А.Г., Михайлова М.В.* Русская литературная критика конца XIX — начала XX века. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1982. 350 с.

3. *Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. С. 23.

Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИЛ ХАОСА И КОСМОСА В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

Творчество К. Иванова движимо стремлением осмыслить полярность мироустройства. В начале поэмы мы видим, как мир небесный, божественный, сакральный проникает в «сей мир», даруя ему жизнь. Подобный взгляд на мир был заложен в учениях древнегреческого философа Платона, сказавшего о существовании двух миров: здешнего, земного, и потустороннего, высшего, совершенного, вечного, — продолжен в учениях В. Соловьева, звавшего «вырваться из власти вещественного и временного бытия к потустороннему — вечному и прекрасному миру» [4. С. 5]. Идея о двух мирах — «двоемирие» — была усвоена символистами, просматривается она и в поэме К. Иванова «Нарспи»:

Хёвел савать тёнчене,
Хёл ыйхинчен вёратса.

Горячо лаская, солнце
Будит землю ото сна*.

В поэме множество полярных образов. Герои поэмы, исключая Сентти, находятся на «пограничной черте света и тени», жизни и смерти, Космоса и Хаоса — двоемирия, что

* Здесь и далее тексты даны в переводе П.П. Хузангая.